

УДК 821.161.1

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ А.Н. ОСТРОВСКОГО
«КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК»**

© **Красникова Олеся Николаевна** (2020), ORCID: 0000-0002-5660-524X, SPIN-код: 4008-9714, старший преподаватель, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина» (Российская Федерация, 196605 Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10 лит. А), oln.krasnikova@gmail.com

Исследование категорий пространства и времени в художественном тексте – актуальный вопрос современного литературоведения. В данном исследовании автор продолжает размышления об этих эстетических категориях, опираясь на теории М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и других ученых, исследующих этот вопрос. Автор полагает, что художественное пространство, изображенное в тексте, не может быть равным пространству реальному, даже если художественный текст представляет собой историческое произведение. Эта точка зрения основывается на идее, что текст – это произведение искусства, эстетический объект, который видоизменяется и преломляется не только благодаря желанию автора, но и благодаря реципиентам – читателям и зрителям.

Данная статья представляет собой размышления об организации художественного пространства исторической хроники А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» как волжской пьесы. Автор полагает, что художественное пространство пьесы определено не только историческими событиями, которые легли в основу сюжета произведения, но и расположением центрального топоса пьесы (Нижнего Новгорода) на реке Волге. Автор рассматривает образ Волги как ключевой топос пьесы, раскрывает символический смысл реалий бытового и художественного пространства. В статье доказывается, что детали пространства определяют композицию пьесы и развитие сюжета.

В статье также отражены особенности организации художественного пространства исследуемой пьесы в первой и второй ее редакциях, что позволяет говорить о том, что не только сюжет пьесы определяет ее хронотоп, но и орга-

низация внутреннего мира художественного произведения определяет линию сюжета.

Ключевые слова: А.Н. Островский, Минин, историческая хроника, художественное пространство, Волга.

Художественное пространство – это компонент внутреннего мира произведения, который обеспечивает адекватное восприятие художественного текста читателем и организует композицию произведения. Работы, посвященные анализу влияния времени и пространства на смысл произведения, появляются уже у Аристотеля, позже эти категории исследовались в работах Потебни А.А., Бахтина М.М., Лихачева Д.С., Успенского Б.А., Лотмана Ю.М., Флоренского П.А., Топорова В.Н. и других ученых.

Освоение литературой реального времени и пространства происходит с давних времен. Для размышлений о функционировании пространственно-временного континуума в художественном тексте М.М. Бахтиным был предложен термин «хронотоп». «Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы» [Бахтин 2000а, 9]. Следует отметить, что художественное пространство не копирует пространство реальное, оно воспроизводит его типичные элементы, чтобы воссоздать мир эстетического объекта (*текста*).

«Внешней пространственной формы словесное творчество не создает, ибо оно не оперирует с пространственным материалом, как живопись, пластика, рисование; его материал, слово (пространственная форма расположения текста – строфы, главы, сложные фигуры схоластической поэзии и проч. – имеет крайне ничтожное значение), – материал, по своему существу непространственный (звук в музыке еще менее пространственен), однако изображаемый словом эстетический объект сам, конечно, из слов только не состоит, хотя в нем и много чисто словесного, и *этот объект эстетического видения имеет внутреннюю пространственную художественно значимую форму*, словами же произведения изображаемую» [Бахтин 2000, 117].

Далее исследователь размышляет: «Пространственная форма внутри эстетического объекта, выраженного словом в произведении, не подлежит сомнению. Вопрос другой, как осуществляется эта внутренняя пространственная форма: должна ли она воспроизводиться в чисто зрительном представлении, отчетливом и полном,

или же осуществляется только ее эмоционально-волевой эквивалент, соответствующий ей чувственный тон, эмоциональная окраска, причем зрительное представление может быть отрывистым, мимолетным или даже вовсе отсутствовать, замещаясь словом» [Бахтин 2000, 117–118].

Обратим внимание, что эта реализация пространственных форм будет отличаться в текстах разной жанровой природы, различных по времени происхождения, разнообразных благодаря выбранному автором способу художественного отражения реальности.

Пространство – это определенная среда, в которой происходит действие и располагаются персонажи, так называемый континуум. Этот определённый локальный континуум наивное читательское восприятие стремится отождествить с локальной отнесенностью эпизодов к реальному географическому пространству. Конкретными маркерами географического пространства могут служить водоемы. Значение водоемов в формировании цивилизаций, стран и городов известно давно. Не меньшую роль играют водоемы вообще и, в частности, реки, в формировании художественного пространства. Реки являются важными художественно-географическими образами во многих произведениях. Помимо того, что реки конкретизируют описываемое пространство, они являются сложными многоплановыми художественными образами. В данном исследовании мы охарактеризуем художественное пространство пьесы А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» именно как *речное*, отметим зависимость сюжетной линии произведения от особенностей организации его художественного пространства.

В начале 40-х гг. XIX в., еще в свои студенческие годы, А.Н. Островский заинтересовался родной историей. «Изображая типические черты современной действительности, Островский всегда видел их истоки, их корни, уходящие в глубь исторической жизни народа» [Лотман 1976, 536].

В 1845 году А.Н. Островский посещает Нижний Новгород, отмечая в своем дневнике: «Монумент Минину в жалком состоянии» [Островский 1978, 350]. Драматург посчитал, что память Минина должна быть увековечена в искусстве, и на протяжении многих лет пытался воплотить свой замысел в жизнь. Об уже готовой исторической хронике А.Н. Островский, обращаясь к актеру В.В. Самойлову, надеясь, что тот сыграет в пьесе главную роль, писал так: «Мы по-

ставим настоящий памятник Минину, гораздо лучше того, который торчит верстой среди крапивы» [Островский 1979, 321].

Свою работу над пьесой драматург начал в 1855 г., привлекая при этом многочисленные исторические документы, рукописи и архивные списки. Этнографическая экспедиция по Волге, инициированная Морским ведомством, на некоторое время прервала его работу над текстом, но обогатила драматурга наблюдениями над бытом, фольклором и языком жителей Поволжья.

Современный читатель имеет возможность ознакомиться с хроникой Островского о Минине в двух редакциях. Первая редакция вышла в свет в печатном виде в 1862 году; вторая редакция, предназначенная для театра, впервые была поставлена в Петербурге в 1866 году.

Основная тема исторической хроники – организация жителями Нижнего Новгорода ополчения для освобождения Москвы от польской оккупации 1611–1612 годов.

«Первая историческая драма Островского “Минин” была задумана не как трагедия, разыгрывающаяся под сводами царским теремов, в среде, окружающей самодержца, а как хроника жизни народа “глубинного” района России – Поволжья. Тесная связь замысла пьесы с идеей цикла “Ночи на Волге” раскрывает особенность ее концепции. Историческое бытие народных масс, накапливаемый веками опыт сопротивления социальному гнету, борьбы за национальные интересы в периоды политических кризисов и выступлений против консервативных “устоявшихся” и отживших форм отношений в повседневном быту нашли свое отражение в пьесах этого цикла» [Лотман 1976, 539-540].

Согласимся с мнением исследователя, Л.М. Лотман, приведённым ранее, и продемонстрируем, как художественное пространство пьесы «работает» над раскрытием ее замысла.

«Козьма Захарыч Минин, Сухорук» – это драматическая хроника в пяти действиях, с эпилогом (в первой редакции) и в стихах. События пьесы разворачиваются в Нижнем Новгороде. Но город в этой хронике – это больше, чем место. Это коллективное действующее лицо. Действительно, широкая историческая картина, воссозданная драматургом, это, прежде всего, жизнь нижегородцев XVII столетия. Но тот факт, что город назван напрямую, несколько не уменьшает широты охваченных событий – на примере одного города рисуется картина нравов жителей Руси вообще. «В исторических

песах Островского народ, поставленный кризисной политической ситуацией перед необходимостью сделать выбор, принять решение и действовать в соответствии с этим решением, проявляет свою умственную самостоятельность, свои творческие силы» [Лотман 1976, 541].

Отметим также, что первая редакция хроники имеет кольцевую композицию: драматург начинает и заканчивает пьесу в одних и тех же декорациях. «Эпилог “Минина” – выход ополчения из Нижнего Новгорода – возвращает нас в тот же Нижний посад, близ Кремля, где мы впервые увидели Кузьму Захарыча: мечта о народном ополчении сбывается там же, где она зародилась» [Холодов 1967, 348].

У второй редакции финал иной. Пьеса оканчивается успешным освобождением Москвы нижегородцами и их возвращением домой в Нижний Новгород. Финал пьесы практически полностью изменил тональность произведения: «Оригинальный замысел первой редакции пьесы показать драматизм принятия народом важного политического решения был не понят многими читателями, хроника казалась лишенной действия. При более традиционном сюжетном развитии во второй редакции хроники изображение успеха предпринятого нижегородцами похода на Москву «потеснило» картины внутренней борьбы в среде нижегородцев. Изменилась вся тональность произведения. Настроение тревоги и беззаветное стремление к подвигу в финале сменилось торжеством и успокоением» [Лотман 1976, 548].

Конечно, изменения общего замысла пьесы повлияли и на ее композицию. Для наглядного сравнения художественного пространства первой и второй редакций хроники приведем сравнительную таблицу:

Таблица 1.

1 редакция	2 редакция
<p style="text-align: center;">Действие первое 25 августа 1611 года</p> <p>Часть Нижнего посада, близ Кремля; направо и налево – деревянные лавки, на заднем плане – деревянный Гостиный двор, за ним видна гора и стены Кремля; налево, в заднем углу, на пригорке, башня и ворота в Кремль. Направо продолжение Нижнего посада. Вдоль лавок деревянные мостки с навесом для пешеходов, у растворов скамьи и раздвижные стулья [Островский 1976, 8; 298].</p>	

<p style="text-align: center;">Действие второе Сцена первая</p> <p>Место в Кремле, близ воеводского дома [Островский 1976, 30].</p> <p style="text-align: center;">Сцена вторая</p> <p>Просторная бревенчатая светлица. В правой стене два маленьких окна; на левой стороне перегородка с решетчатым расписным верхом; в конце перегородки узенькая дверь; за дверью резной и расписной столб, в котором утвержден верхний брус перегородки; прямо за столбом и до самого угла изразцовая печь; в задней стене выходная дверь; по задней и по правой стене лавки; с правой стороны большой дубовый стол; у перегородки небольшая приставная скамья; у задней стены несколько пяльцев. Лавки, полки, косяки – с резьбой [Островский 1976, 35].</p>	<p style="text-align: center;">Действие второе Сцена первая</p> <p>Просторная бревенчатая светлица [Островский 1976, 314].</p> <p style="text-align: center;">Сцена вторая</p> <p>Место в Кремле, близ воеводского дома [Островский 1976, 325].</p>
<p style="text-align: center;">Действие третье Октябрь 1611 года Сцена первая</p> <p>Небольшая площадь в Кремле, недалеко от собора. К концу, в седьмом (пятом) явлении, начинает смеркаться [Островский 1976, 50; 330].</p> <p style="text-align: center;">Сцена вторая</p> <p>Большая богатая изба в воеводском доме [Островский 1976, 63; 339].</p>	
<p style="text-align: center;">Действие четвертое</p> <p>Площадь в Кремле недалеко от собора. Начинает рассветать [Островский 1976, 75; 348].</p>	
<p style="text-align: center;">Действие пятое</p> <p>Горница в доме Минина. Налево дверь в другой покой, прямо – в</p>	<p style="text-align: center;">Действие пятое Сцена первая</p> <p>Горница в доме Минина. Налево</p>

сени [Островский 1976, 92].	дверь в другой покой, прямо – в сени [Островский 1976, 360]. Сцена вторая 24 августа 1612 года За Москвой-рекой, против Кремля. Направо тын Климентовского острога с бойницами и воротами, налево деревянная церковь св. Климента, прямо земляной вал, за валом, вдали, виден Кремль [Островский 1976, 365]. Сцена третья В доме Минина, в Нижнем Новгороде. (Июль 1613 года) [Островский 1976, 379].
<p style="text-align: center;">Эпилог</p> <p>Выход ополчения из Нижнего Новгорода. 1612 год. Март. Часть Нижнего посада, та же, что в первом действии [Островский 1976, 106].</p>	<p style="text-align: center;">Эпилог</p> <p>Отсутствует.</p>

Как мы можем заметить, пространство первого, третьего и четвертого действий двух редакций пьес совпадают. Действие второе состоит из двух сцен, при этом сцены во второй редакции по отношению к первой поменяны местами. Больше всего изменений имеет пятое действие пьесы. Во второй редакции действие оказалось разделенным на три сцены; при этом вторая и третья сцена (и по композиции, и по сюжетному наполнению) появляются только во второй редакции хроники. Отметим также стоит, что в первой редакции пьесы имеется эпилог, который отсутствует во второй редакции.

Наблюдения над внутренним миром пьесы позволяют говорить об особенностях художественного пространства. Мы можем дать ему такие характеристики как реальное, динамичное, открытое и конкретное. И, как мы отмечали ранее, *город* является главным действующим лицом, поэтому добавим еще одну характеристику пространства – социальное.

При создании этой пьесы Островский использовал не только свой талант драматурга, но и те знания, тот опыт, который приобрел во время путешествия по Волге, а также в работе с архивами. «Изучая материалы, запечатлевшие народную память и народную точку зрения на события прошлого, Островский строил свои исторические пьесы на строгой фактической основе. Эмоциональное действие исторической драматургии он связывал с точностью, достоверностью изображения в пьесах реальной жизни ушедших эпох» [Лотман 1976, 540].

Изображенная в пьесе историческая ситуация вполне конкретна. «Нижегородцы, живущие мирной жизнью отдаленного богатого торгового города, узнают из сообщений послов, “прибежавших” из Москвы, о страданиях московского населения, о “шатаниях” бояр, целующих крест польскому царевичу. Эти и другие тревожные вести волнуют нижегородцев и создают напряженную атмосферу, которая характеризует духовную жизнь населения внешне спокойного города летом 1611 года. Нижний Новгород – “ключ от Волги”, и к нему начинают тянуться нити интриг, сопутствующих борьбе за власть и разложению московского боярства. Представители администрации, привыкшие смотреть на службу в отдаленных от Москвы местах как на “кормление”, готовы торговать предательством, как прежде торговали своим служебным долгом, взывая с населения “посулы”» [Лотман 1976, 541].

Приведенная выше перифраза «Нижний – ключ всей Волги» [Островский 1976, 17] раскрывает значение Нижнего Новгорода в борьбе с польскими захватчиками. Основная мысль пьесы в первой ее редакции выражалась в идее объединения людей ради победы и свободы.

Однако историческая хроника «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» включает в себя не только исторически правдивое изображение событий, но и описание быта и нравов волжан. Пьеса – поистине высокохудожественное произведение.

Поэтическое размышление о судьбах народа, о его страдании, Островский вкладывает в уста исторического героя (любопытно, что его рассуждениям аккомпанирует бурлацкая песня):

Вон огоньки зажглись по берегам,
Бурлаки, труд тяжелый забывая,
Убогую себе готовят пищу.
Вон песню затянули. Нет, не радость

Сложила эту песню, а неволя,
Неволя тяжкая и труд безмерный,
Разгром войны, пожары деревень,
Житье без кровли, ночи без ночлега,
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Все слезы с матушки широкой Руси,
Новгородские, псковские слезы,
С Оки и с Клязьмы, с Дона и с Москвы,
От Волхова и до широкой Камы.
Пусть все они в одну сольются песню
И рвут мне сердце, душу жгут огнем
И слабый дух на подвиг утверждают.
О Господи! Благослови меня!
Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братьей
И грудь в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.
А если Бог отступит от меня
И за гордыню покарать захочет,
Успеха гордым замыслам не даст,
Чтоб я не мнил, что я его избранник, –
Тогда я к вам приду, бурлаки-братья,
И с вами запою по Волге песню,
Печальную и длинную затынем,
И зашумят ракиковы кусты,
По берегам песчаным нагибаясь;
И позабудет бросить сеть рыбак
И в тихом плесе на челне заплачет;
И девка с ведрами на коромысле,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется с горы и станет слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкие измочит рукава;
Бурлаки запоют ее под лямкой
И балахонцы за своей работой
Над новою расшивой, с топорами.

И понесется песня, и прольется
Из века в век, пока стоит земля.
О Господи! Грешу я; мал я духом,
Смел усомниться в благодати твоей!
Нет, прочь сомненья! Перст твой вижу ясно.
Со всех сторон мне шепчут голоса:
«Восстань за Русь, на то есть воля Божья!»

[Островский 1976, 33–35].

В монологе Минина выражаются не только его помыслы, но и нарисованы фигуры народной среды: бурлаки, рыбак, девушка с ведрами и плотники-балахонцы. «Минин, охваченный заботами своего бурного времени, проникнут настроениями национального подъема. Человек XVII века, он верит в божественное провидение, в помощь высших сил. Вместе с тем он не сомневается в поддержке народом патриотического дела» [Лотман 1976, 546].

Для характеристики пространства исторической хроники А.Н. Островского важна также следующая реплика: «Спасенье русское придет от Волги. // Хороший <...> и чистый край!» [Островский 1976, 22]. Безусловно, в этих строках выражается отношение не только к месту, но и к людям, его населяющим. Уже в 1848 году (читаем запись в дневнике) Островский так отзывается о жителях Волги: «Народ и рослый, и красивый, и умный, и откровенный, и обязательный, и вольный ум, и душа нараспашку» [Островский 1978, 352].

Нижегородцы представлены в пьесе храбрыми людьми, готовыми отдать жизнь за свободу своей Родины. Реплика также «говорит об особой волжской силе духа, сметливости, соборности, а также о значении Волги в формировании такого характера» [Красникова 2019, 479].

Нижний Новгород – основной топос исследуемой пьесы, в свою очередь представлен более частными пространственными элементами: Кремль, Гостиный двор, избы, ворота и башни Кремля, торговые лавки и, конечно, Волга. Интерес также представляют образы дороги, пути, реки и связанные с ними мотивы.

Так, в 4 явлении первого действия Лыткин спрашивает у юродивого мальчика Гриши, куда тот собирается идти. Юродивый отвечает: «Далеко. Длинная дорога; встанет – // Так до неба достанет. Все песками // Сыпучими да темными лесами // Дремучими» [Островский 1976, 15–16]. После небольшого диалога между героями,

Лыткин будто бы подводит итог этому разговору: «Что он говорит? // Сулит дорогу, а куда? Известно, // Одна дорога; значит, все попрем; // И надо полагать, что это вскоре» [Островский 1976, 16]. Лыткин, Губанин и Темкин размышляют, что могли бы означать слова Гриши, который, как выяснится далее, говорит о Москве, находящейся в плачевном состоянии: «Нет, вот что: храмы там без богомольцев, // Без пения. Подайте на дорогу!» [Островский 1976, 16]. Слово *дорога* в его прямом значении «путь» понимается героями метафорически в значении «жизненный путь», который заканчивается смертью.

Продолжается эта сюжетная сцена в 9 явлении четвертого действия. Люди в толпе, понимая, на какую *дорогу* собирал деньги Гриша, говорят, что эти деньги всех дороже. А юродивый рисует картину, которая привиделась ему:

Обители, соборы, много храмов,
Стена высокая, дворцы, палаты,
Кругом стены посады протянулись,
Далеко в поле слободы легли,
Всё по горам сады, на церквах главы
Всё золотые. Вот одна всех выше
На солнышке играет голова,
Река, как лента, вьется... Кремль!.. Москва!

[Островский 1976, 91–92].

Лексема *дорога*, таким образом, реализует в этом тексте несколько своих значений, тем самым расширяя смысловое пространство текста.

Широко известно, что художественные образы реки и дороги часто оказываются связанными. Реки – естественные водные дороги. Также реки имеют символическое значение «жизненный путь». Поэтому тот факт, что Нижний Новгород стоит на Волге, оказывается для нас особо значимым.

В первом действии дается косвенная характеристика волжанам в сопоставлении с тушинцами. Дьяк Василий Семенов говорит: «...А тушинцам у нас почету мало; // На Волге их не любят» [Островский 1976, 19]. Нижегородцы представлены людьми смелливыми и вольными, они готовы отстаивать свою свободу. В ответной реплике Семенову стряпчий Иван Иванович Биркин (присланный в Нижний Новгород) характеризует нижегородцев как людей слишком свободлюбивых (по его мнению), не боящихся высказывать свое мнение:

«...Уж народец // У нас на Волге! Нечего сказать! Новгородским духом так и пахнет. Некстати говорливы!» [Островский 1976, 19].

«Новгородский дух» в характеристике Биркина есть дух свободолюбия, непослушания и своего мнения. Слово «новгородский», судя по всему, является синонимом слова «свободолюбивый»; здесь, однако, стоит отметить, что прилагательное «новгородский» относится к Великому Новгороду (Великий Новгород – город вечевой, в каком-то смысле республиканский). Биркин, таким образом, говоря о нижегородцах (т.к. есть привязка к конкретному месту – «у нас на Волге»), переносит на них способ мышления новгородцев, что в свою очередь, не противоречит описанию жителей этого города в исторической хронике Островского.

Упоминания Волги встречается и во второй редакции хроники. Здесь семантика образа Волги расширяется, у великой русской реки появляется функция границы (также характерная для фольклора): *за Волгой* возникает особое пространство, где можно спрятаться, место, откуда тебя не достанут.

Обратим внимание и на финал второй редакции, который символично отражает прямую связь характера Минина с взрастившей его Волгой:

Благословенно буди
Пришествие твое, спаситель Руси!
Ты нам родной, тебя вспоила Волга,
Взрастил, взлелеял православный мир,
Ты честь и слава русского народа.
Потоль велика русская земля,
Поколь тебя и чтить и помнить будет [Островский 1976, 385].

Отметим, что именно Волга является тем ключевым элементом пространства, которое определяет как характер главного героя, так и событийную завершенность хроники.

Подводя итоги, отметим, что основной топос исторической хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» – город Нижний Новгород – один из немногих *реальных* городов, появляющихся в художественном мире пьес А.Н. Островского. Город, описанный в исторической хронике, имеет признаки настоящего города, но не является его копией. Благодаря мастерству драматурга перед взглядом читателя открываются самые важные сцены, самое основное оказывается в поле зрения, а незначительное уходит на второй план. Огромное влияние на специфику описываемого пространства оказывает

Волга, художественный образ которой является одним из ключевых топов пьесы.

Источники

Островский 1976 – Островский А.Н. *Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Пьесы (1861–1865)*. М., 1976.

Островский 1978 – Островский А.Н. *Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 10. Статьи. Записки. Речи. Дневники. Словарь*. М., 1978.

Островский 1979 – Островский А.Н. *Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. Письма (1848–1880)*. М., 1979.

Литература

Бахтин 2000 – Бахтин М.М. *Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук*. СПб., 2000.

Бахтин 2000а – Бахтин М.М. *Эпос и роман*. СПб., 2000.

Красникова 2019 – Красникова О.Н. *Поэтика и функции образа Волги в «волжских» пьесах А.Н. Островского* // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Т. 29. Вып. 3. Ижевск, 2019. С. 477–484.

Лотман 1976 – Лотман Л.М. *Историческая драматургия А.Н. Островского (1861–1865)* // Островский А.Н. *Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Пьесы (1861–1865)*. М., 1976. С. 534–557.

Холодов 1967 – Холодов Е.Г. *Мастерство Островского*. М., 1967.

ON SELECTED PECULIARITIES OF THE ARTISTIC SPACE IN THE HISTORICAL DRAMA BY A.N. OSTROVSKY «KOZMA ZAKHAR'YICH MININ-SUKHORUK»

© **Krasnikova Olesia Nikolaevna** (2020), SPIN-code: 4008-9714, ORCID: 0000-0002-5660-524X, senior lecturer, Pushkin Leningrad State University (10, lit A, St. Petersburg sh., Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russian Federation), oln.krasnikova@gmail.com

The study of the categories of space and time in a literary text is an urgent issue of modern literary criticism. In this article, the author explores these aesthetic categories, based on theories Bakhtin, Lotman, Toporov and other scholars researching this issue. The author believes that the artistic space depicted in the text cannot be equal to

the real space, even if the literary text is a historical work. This point of view is based on the idea that the text is a work of art, an aesthetic object that is modified and refracted not only due to the desire of the author, but also by its recipients – readers and viewers.

This article is a reflection on the organization of the artistic space in the historical drama by A.N. Ostrovsky “Kozma Zakhar'yich Minin-Sukhoruk” as a form of a Volga play. The author believes that the artistic space of the play is determined not only by historical events that formed the basis of the plot, but also due to the location of the main topos of the play (Nizhny Novgorod) on the Volga River. The author considers the image of the Volga as the key topos of the play revealing the symbolic meaning of the realities of everyday and artistic space. The article proves that the details of space determine the composition of the play and the development of the plot.

The article also reflects the features of the organization of the artistic space in the first and the second editions of the play, which suggests that not only the plot of the play determines its chronotope, but also the organization of the play determines the plot line.

Keywords: A.N. Ostrovsky, Minin, historical drama, artistic space, Volga.

References

(Articles from Scientific Journals)

Красникова 2019 – Krasnikova O.N. Poetika i funktsii obraza Volgi v «volzhskikh» p'yesakh A.N. Ostrovskogo [Poetics and functions of the image of Volga in the “volga” plays of A.N. Ostrovsky]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology], 2019, V. 29, no. 3, pp. 477–484. (In Russian).

(Monographs)

Бахтин 2000 – Bakhtin M.M. Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [Author and Hero: To the philosophical foundations of the humanities]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).

Бахтин 2000а – Bakhtin M.M. Epos i roman [Epic and Novel]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).

Лотман 1976 – Lotman L.M. Istoricheskaya dramaturgiya A.N. Ostrovskogo (1861–1865) [A.N. Ostrovsky's historical drama]. Ostrovskiy, A.N. Polnoye sobraniye sochineniy [Collected works]: v 12 t. V. 6. P'yesy (1861–1865) [Plays (1861–1865)]. Moscow, 1976, pp. 534–557. (In Russian).

Холодов 1967 – Kholodov E.G. Masterstvo Ostrovskogo [Mastery of Ostrovsky]. Moscow, 1967. (In Russian).

Поступила в редакцию 18.04.2020